

УДК 316.73 + 316.334.3 : 321(470)

А. Ю. Кузнецов

ФЕНОМЕН ЦИКЛИЧНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Статья посвящена объяснению феномена цикличности процессов, протекающих в обществе, рассматриваемом в качестве социокультурной системы. Дается описание циклов социокультурной динамики в истории России в соответствии с теорией Л. Н. Гумилева, а также в оригинальной авторской интерпретации.

Ключевые слова: социокультурная динамика, циклические процессы, социальная история России.

В своем труде «Социальная и культурная динамика» Питирим Сорокин на основе анализа исторического материала сделал ряд выводов методологического характера, которые имеют принципиальное значение при моделировании социокультурных процессов всех уровней, прежде всего в общесоциологической теории.

Во-первых, Сорокин формулирует принцип «имманентности изменения», согласно которому социокультурная система «не может не изменяться, даже если все внешние условия ее существования неизменны» [3, 734]. Любые системы изменяются в процессе их функционирования, тем более это относится к социокультурным системам, потому что здесь первичные элементы — живые существа или изменчивые по природе их цели и мотивы. Принцип «имманентности изменения» Сорокин противопоставляет «экстерналистским» подходам, которые видят причины социальных изменений в экономических, технологических, биологических процессах. С другой стороны, многие ученые считают, что изменения социальных систем обусловлены их взаимодействием и взаимопроникновением — «диффузией». Сорокин подчеркивает, что «принятие принципа имманентного изменения не препятствует признанию роли внешних сил в трансформации социокультурной системы» [Там же, 740].

Во-вторых, интересны выводы Сорокина относительно границ изменчивости социальных систем. Он утверждал, что основой любой деятельности является способ осмысления и восприятия человеком окружающей природной и социальной среды — культурный менталитет. Можно выделить два его противоположных типа — «идеациональный» и «чувственный», а также промежуточный — «идеалистический». Несмотря на бесконечное многообразие и изменчивость конкретно-исторических форм, все социокультурные системы в определенный момент времени можно отнести к одному из выделенных типов, ими же задаются и границы социокультурных изменений. Каждый из типов культурного менталитета неизбежно сменяется другим, исчерпав свой творческий потенциал. Кажется не совсем понятным, почему этот потенциал обязательно является исчерпываемым? Если для крайних полярных типов (идеациональный и чувственный) это положение представляется как-то обоснованным, то переходный тип (идеалистический), сочетающий признаки двух пер-

вых, вполне мог бы мыслиться как своего рода идеальный. Такова, например, логика рассуждений Вебера, который считал, что переход к рационально-легальному типу социокультурной регуляции знаменует переход от традиционного общества к современному.

Сорокин отвергает такую схему, поскольку рассматривает общество как прежде всего социокультурную систему, а не социотехническую. В процессе функционирования таких систем не только постоянно возникают, сохраняются и забываются традиции, обряды, образцы поведения, но и протекают процессы образования и разложения социальных институтов, закрепляющих соответствующие нормы, социальные ценности оформляются в религиозных и философских учениях и идеологиях. Они сопровождаются созданием социальных, хозяйственных, политических, культурных организаций и учреждений, т. е. официализацией и бюрократизацией, подразумевающей ритуализацию культуры как системы регуляторов социального поведения. Г. Зиммель так описывает этот процесс: «...Когда практические потребности и отношения побуждают людей силами ума, воли, эмоций, творчества перерабатывать взятый из реальности жизненный материал, придавая ему формы, соответствующие жизненным целям... эти силы и интересы вдруг оказываются оторванными от жизни, из которой они вышли и которой обязаны своим существованием. Происходит освобождение и автономизация некоторых энергий... Они теперь “играют” в себе и ради себя, захватывают и создают материю, служащую теперь только лишь средством их самореализации» [2, 177].

Например, ко времени Реформации исчерпала свой творческий потенциал христианская догма, оформленная как официальная доктрина католической церкви. Основные идеи оставались теми же, что были во времена расцвета христианства в Западной Европе, однако в результате официализации они постепенно перестали быть лично значимыми ценностями, трансформировавшись в рациональные нормы, жестко санкционируемые обществом при помощи системы особых учреждений — инквизиции. Таким образом, идеациональный тип культурного менталитета, доминировавший в Европе согласно периодизации Сорокина в VI–XII вв., сменяется в XIII–XVI вв. идеалистическим. В 1517 г. Лютер выступил с программой борьбы не против католицизма как такового, а против некоторых ритуалов. Однако, поскольку «культурные влияния реформации в значительной своей части... были непредвиденными и даже нежелательными для самих реформаторов последствиями их деятельности, часто очень даже далекими от того, что проносилось перед их умственным взором, или даже прямо противоположными их подлинным намерениям» [1, 105], то и результатом этой борьбы стало не реформирование традиционных институтов, а формирование общества совершенно другого типа. Вебер считает его совершенно новым, но, согласно Сорокину, этот процесс следует рассматривать просто как возвращение к чувственному типу культурного менталитета.

Интересны выводы Сорокина и относительно формы социальных процессов. Он отрицает возможность существования чисто линейных процессов в более-менее длительной исторической перспективе. Это понятно, если принять принцип имманентной изменчивости, с одной стороны, а с другой — учесть

ограниченность числа возможных типов культурного менталитета и соответствующих им социокультурных систем. Поскольку социокультурная система не может не изменяться, а основных типов культурного менталитета только два (и один переходный), то социальные процессы по необходимости оказываются циклическими.

К циклическим теориям исторического развития обычно относят широко известные концепции Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, А. Тойнби, О. Шпенглера и др. Это теории больших исторических циклов, рассматривающие мировые цивилизации и культуры как «живые» организмы, возникающие, развивающиеся и приходящие к неизбежному концу — смерти. Можно назвать их теориями больших цивилизационных циклов. Многие исследователи говорят и об исторических циклах меньшего масштаба, придающих историческому процессу характер пульсации. Источник этих колебаний разные авторы усматривают в цикличности экономических (К. Маркс), политических (А. Шлезингер), демографических (Х. Ортега-и-Гассет), геофизических (А. Л. Чижевский) и других процессов.

Циклические концепции получили более широкое распространение в социальной философии. Для социологии в большей степени характерны эволюционистские модели. Это и понятно, поскольку «европейская социология XIX в. возникла в ответ на попытку понять и объяснить великий переход от традиционного общества к современному со всеми сопровождавшими его процессами урбанизации, накопления капитала, обнищания, пролетаризации, возникновения новых государств и наций, подъема новых классов и т. д.» [4, 255]. Такая логика присутствовала в социологических построениях и Дюркгейма, и Вебера.

Американская социологическая школа была изначально в большей степени ориентирована на конкретные эмпирические исследования и решение сиюминутных проблем современного общества. Ясно, что ограниченные узкими хронологическими рамками, социокультурные процессы, как и вообще любые, имеют вид однонаправленного движения от одного состояния системы к другому. С этим был согласен и П. Сорокин: «Некоторые социальные процессы в целом, а другие частично, действительно, развиваются по прямой линии, но в ограниченных пределах, вне которых они то описывают петли, то совершают нерегулярные осцилляции, а где-то принимают волнообразные и другие различные формы» [3, 92].

Большой интерес представляют попытки современных ученых интерпретировать процессы социокультурной динамики России на основе методологий, совмещающих эволюционистскую и циклическую парадигмы. Целый ряд методологических проблем позволяет решить теория этногенеза Л. Н. Гумилева. Во-первых: понимание этноса как условно фиксированного состояния процесса позволяет объяснить разнообразие этносов, различия в наборе признаков и характеристик, которыми они обладают. Во-вторых: поскольку внутри большого цикла присутствуют и меньшие, то процесс этногенеза можно разделить на несколько фаз или периодов. Собственно, Гумилев это и сделал, однако хронология и характеристика этих фаз, на мой взгляд, спорны.

Главный же недостаток его теории — недооценка значения сознательной деятельности людей, выведение закономерностей процесса этногенеза из действия чисто природных (космических, геологических и т. п.) факторов и развития микромутаций на генетическом уровне. Но поскольку Гумилев описывает изменения стереотипа социального поведения людей, то здесь правильнее было бы говорить о социокультурной динамике развития локальных цивилизаций. Дело еще и в том, что он, будучи этнографом и археологом, понимал культуру как совокупность предметов быта, произведений искусства и т. п. В социологии культура понимается как регулятор социальной деятельности, как система традиций, норм, ценностей, а ведь именно это и задает стереотипы социального поведения. И здесь надо подчеркнуть, что социокультурная динамика имеет своеобразные, отличные от биологических и вообще природных, механизмы функционирования и развития.

В процессе функционирования «живой» культуры, не являющейся предметом изучения археологии или этнографии, постоянно возникают, сохраняются и забываются традиции, обряды, образцы поведения, идут процессы образования и разложения социальных институтов, закрепляющих системы соответствующих норм, оформляются в религиозных и философских учения социальные ценности. Естественные общности, пребывающие в состоянии равновесия с окружающей природной и социальной средой, вырабатывают культуру традиции, обычая, обряда. Это не означает отсутствия социальных институтов и политической организации, такой как государство, но все они носят патриархальный характер.

Необходимость изменения такого общества вызывается внешними причинами: изменениями природных условий (вмещающего и кормящего ландшафта), воздействием космических излучений или радиации (гипотеза Гумилева), межэтническими взаимодействиями (нашествия иноплеменников), что представляется наиболее вероятным. Тенденции изменения форм социального бытия, даже связанные на первый взгляд с возрождением, реставрацией традиции, по сути антитрадиционны. Тогда новая культура норм навязывается обществу политической элитой или конкурирующими элитами (в Европе в IX–X вв. таких элит сформировалось несколько — по количеству основных европейских наций), собственно, именно поэтому ее и можно назвать культурой нормы. Государство превращается в рациональную и наднациональную, бюрократическую организацию.

Так или иначе, закрепившись в самосознании народа, нормы приобретают со временем характер социальных ценностей, а социальные и политические институты наполняются сакральным содержанием. Продолжительность первой и второй фаз социокультурного цикла около 200 лет. В течение следующих 200 лет происходит процесс бюрократизации, т. е. утраты сакральных смыслов, возвращения к культуре норм, а в конечном итоге к ритуализации, приводящей к вырождению и дисфункциональности институциональных форм и, в определенном смысле, саморазрушению системы. В истории, например, античной цивилизации таких этапов было три, что в сумме составляет 1200 лет. Эта хронология совпадает с оценками многими упомянутыми ранее учеными про-

должительности существования большинства известных в истории человечества цивилизаций.

Эта теоретическая модель позволяет интерпретировать и процессы в социальной истории России. Русь Киевская и Московская различаются географически, но главное здесь даже не само по себе перемещение политического центра государства на 1000 км в северо-восточном направлении. Главное — это различие основных геополитических векторов. Для Руси Киевской определяющее значение, как и для Европы, имела оппозиция Север—Юг. Тогда и для политической элиты, и для народа «путь из варяг в греки», по мнению Г. В. Вернадского, имел не только большое экономическое и политическое, но и сакральное значение. Для северных славян это была связь с легендарной прародиной. Для скандинавов овладение южными морями было заветной мечтой, возможно даже частично осуществленной. Московская Русь с самого момента своего появления находится не столько в географическом, сколько именно в геополитическом пространстве между Западом и Востоком. Такая смена геополитических векторов — и не шаг назад, и не шаг вперед, это изменение типа цивилизационного развития.

Можно отметить обусловленные действием природно-климатических факторов различия хозяйственных укладов Киевской и Московской Руси, но они, видимо, не столь существенны. Гораздо интереснее здесь другое обстоятельство. Современные историки полагают, что мир домонгольской Руси был городским, став таковым очень рано. В XII в. от 1/5 до 1/4 населения Руси жило в городах, и не случайно скандинавы называли Русь страной городов — Гардарики. Городская цивилизация, характерная для Киевской Руси, дольше всего сохранялась в Новгороде, тогда как Русь Московская — это крестьянская страна. Не будем решать вопрос о том, какой из типов цивилизации более прогрессивен, однако еще О. Шпенглер показал, что урбанизированная техническая цивилизация — это не особый тип цивилизации, а скорее продукт длительного развития любой культуры, вырабатываемый в завершающей фазе этого развития.

Видимо, можно согласиться с Л. Н. Гумилевым, который считал Киевскую Русь одним из государств, образовавшихся в завершающей инерционной фазе развития славянского суперэтноса. По его мнению, с первой половины XIII в. история России определяется возникновением и развитием хотя и связанного со славянским культурно и генетически, но по сути нового великорусского суперэтноса. Речь здесь не об изменении антропологии, племенного состава этнического субстрата. Тюрки появились на Руси задолго до татаро-монгольского нашествия: печенеги, половцы, болгары — давние соседи славян. Об этнических монголах говорить вообще не приходится, поскольку в армии Батыя, по сравнению с войсками, сформированными из кочевников, присоединенных к монгольской державе в результате завоеваний, они, по крайней мере, не составляли большинства. Изменился характер взаимодействия с окружающими народами. В X—XII вв. в Киевской Руси сложилось находящееся в равновесии с окружающей природной и социальной средой самовоспроизводящееся, но не развивающееся общество, что и характерно для инерционной фазы процесса этноге-

неза. Московская же Русь постоянно развивается. Л. Н. Гумилев называет причиной этого развития облучение поверхности Земли некими космическими лучами, вызывающими мутации на генетическом уровне, что приводит к появлению пассионариев — людей с особым стереотипом поведения. Более приемлемой кажется логика «вызова — ответа», предложенная А. Тойнби. Само изменение условий существования, связанное с монгольским завоеванием, не могло не привести к смене стереотипа социального поведения, что и послужило толчком к развитию.

Монгольское завоевание имело для Руси огромное значение, но было фактором только внешним. Его и можно назвать тем самым «историческим вызовом», ответом на который стало возникновение и развитие Московской Руси — России, т. е. новой русской цивилизации. Этого ответа могло и не быть, Киевская Русь вполне могла повторить судьбу Рима, навсегда исчезнув с исторической арены. Строго говоря, она и исчезла, поскольку Русь Московская — это новая, по ряду существенных признаков — другая, цивилизация. Л. А. Тихомиров считал татаро-монгольское иго благоприятным обстоятельством только в том смысле, что угнетенное и униженное состояние Руси способствовало прояснению христианского сознания народа. Когда было потеряно все, оставалось уповать только на Бога, который осуществляет свою волю через самодержавного, не ограниченного ничем, кроме этой воли, монарха. Говоря современным языком, это традиционная легитимизация власти, основанная на безусловных, не подверженных какой-либо критической рефлексии ценностях. Таким образом, в отчаянной для народа, на грани жизни и смерти, пограничной ситуации естественным было обращение к традиции, а основой унаследованной от предков традиции было православие. Особый интерес здесь вызывает выработанный славянским суперэтносом механизм передачи культурной традиции, являвшейся основой социальной организации Руси в XII — начале XIII в.

В процессе развития великоросского суперэтноса (т. е. с XIII в.) можно достаточно четко выделить два 400-летних социокультурных цикла (XIII–XVI и XVII–XX вв.). Начальная фаза первого цикла связана с закреплением ведущей роли Москвы как центра политической и духовной жизни. К середине XIV в. (Иван Калита) Москва выделилась среди конкурировавших политических центров, навязав свою культуру нормы, культуру подчинения частных интересов интересам государства. Куликовская битва — яркое свидетельство того, что нормы приобретают сакральный смысл, трансформируясь в ценности. Вторая фаза начинается в XV в. Это время быстрого расширения Московского княжества, укрепления власти «государя всея Руси», но и бюрократизации культуры, ее возвращения к господству навязываемой и санкционируемой нормы. Результатом стал выход на уровень суперэтноса во время завоеваний Ивана Грозного. Однако неизбежны и издержки: это превращение нормы в пустой ритуал. Данная фаза оканчивается Смутой, т. е. частичным саморазрушением системы. В теории этногенеза Л. Н. Гумилева это фаза подъема и начало акматической фазы.

Второй цикл (XVII–XX вв.) — период наивысшего подъема великоросского суперэтноса, географической экспансии, создания великой культуры, закан-

чивающийся расколом суперэтнического поля (акматическая фаза и фаза надлома, согласно схеме Гумилева). Рассмотрим подробнее период XVII–XX вв. в истории России. В 1613 г., после Опричнины Ивана IV, которая буквально вымела всякие сакральные смыслы из системы социальных институтов общества и государства и которая окончилась ее самораспадом в Смутное время, Россия возвращается к «старым добрым временам». Земские соборы, восстановление авторитета монархии — свидетельства господства в обществе патриархальной и консервативной культуры традиций, унаследованных от предков и поэтому не подверженных критической рефлексии. Но Россия меняется, хотя бы географически (освоение Сибири, воссоединение с Украиной); это значит, что необходимо менять и систему регуляторов, определяющих стереотип социального поведения. Культура традиции всегда противится нововведениям и, следовательно, «Бунташный» век не случайный зигзаг истории. Новая культура, культура нормы, долга перед государством и ответственности за его надлежащее исполнение складывается в эпоху петровских преобразований. Время утверждения самой гармоничной и наиболее полно выражающей дух народа культуры ценностей отмечено в истории России Отечественной войной 1812 г.

Следующий, XIX в. стал веком расцвета культуры. Это можно интерпретировать как своеобразную реакцию общества на процесс утраты сакральных смыслов, бюрократизации и формализации системы социальных институтов (Гумилев называл это явление конденсацией прекрасных кристаллов остывающей пассионарности). Результат — государство, отделенное от народа «ямой, вырытой бюрократией» (Л. А. Тихомиров). Путь выживания — это утверждение новой культуры нормы, правда, нормы уже не освященной ни традицией, ни сакральным идеалом. В России этот переход (начало XX в.) оказался очень болезненным, однако позволил добиться вполне видимых и ощутимых успехов. Но результат вырождения бюрократии — пустой ритуал, своего рода обряд, лишенный изначального смысла. Поэтому раскол суперэтнического поля в конце второго цикла социокультурной динамики — это явление так же не случайное, хотя и не всегда жестко запрограммированное на уровне реального воплощения. Вопрос в том, удастся ли выработать механизм наследования культурной традиции и создать самобытную цивилизацию в России на предстоящем третьем этапе (в инерционной фазе этногенеза, по Гумилеву).

Таким образом, основные причины цикличности процессов в обществе, рассматриваемом в качестве социокультурной системы, кажутся более-менее понятными. Интересной исследовательской задачей представляется определение факторов, обуславливающих конкретные хронологические параметры социокультурных циклов и их специфику в истории различных цивилизаций. Проблематичной здесь кажется возможность операционализации концептуальных определений и преобразование их в инструмент конкретного социологического исследования.

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Зиммель Г. Философия культуры. М., 1996.

3. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Рукопись поступила в редакцию 26 мая 2009 г.

УДК 327 + 316.324.8

Г. П. Орлов

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ФЕНОМЕН И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Глобализацию следует рассматривать как инновационный феномен, исторически связанный с постиндустриализацией, информатизацией, но не сводящийся к ним, представляющий собой всемирный процесс обобществления человечества.

Ключевые слова: глобализация, глобализм, обобществление, глобо-локализм.

Скорость социальных изменений в мире ошеломляет: 15–20 лет назад глобализация как предмет научного анализа была бы встречена либо индифферентно, либо скорее всего с непониманием. Справедливости ради скажем, что книги и статьи, в которых фигурировал термин «глобальные проблемы», появлялись в немалом количестве. Однако у нас в стране обычно шел подзаголовок: «критика буржуазных концепций». Между тем так называемый постмодернизм как система, идущая вслед за модернизмом (современным капитализмом), еще в 80-е гг. стал ведущей концепцией «единого мира». А сегодня, в самом начале XXI в., глобализм претендует на роль ключевой идеи, с которой начинается переход человечества в третье тысячелетие. Наш мир — мир различий. Он задается технико-экономической неоднородностью, разнообразием культур, эпох, формаций и цивилизаций. Но на планете в масштабах общечеловеческих действуют с нарастающей силой и интеграционные процессы, соединяющие воедино семьи, этносы и организации, т. е. глобализация. Этот термин сегодня прочно вошел в обыденный и научный лексикон, что говорит об удачно выбранном понятии, отражающем интегративные процессы нашего времени (ведь «глобо» — это земной шар в его целостности). Первое впечатление у исследователя — глобализация менее дискуссионна, чем, скажем, постмодернизм, она, в сущности, принимается всеми. Но это на первый взгляд, ибо уже зреет оппозиционная модель единого мира, которую условно можно назвать «локализмом». Формируется идея о диалектически противоречивом процессе глобализации и локализации. «Think global. Act local» — «Думай глобально. Действуй локально» (Теодор Левит). А вообще-то в эволюции общества интегративные процессы происходили всегда. И это несмотря на естественные изолирующие факторы, разъединяющие землян, — моря, океаны, горы, пустыни, большие расстояния и социальные факторы, как нечто враждебное, нередко агрессивное ко всему «чужому», формирующееся под влиянием несов-